

высказанном соображении может служить, хотя бы и незначительным, подтверждением; мы не знаем, как попал список в Вильну: может быть, от там и был списан, на месте родины своего родоначальника" (360—361). Эти соображения нам не кажутся убедительными. Прежде всего, нельзя точно определять самый текст заголовка по Виленскому списку, основываясь на содержании дальнейших слов статьи. Если в статье и упоминалось о литовском роде, это еще не обязывает к тому, чтобы „Литва“ была непременно упомянута в заголовке основного текста хронографа. Затем, нет основания думать, что вообще текст Виленского списка не переделывал своего оригинала. Возьмем отрывок о Совии: в первой его части, которую В. М. Истрия возводит к Малале, потомки Совии называются и в Арх. и в Вил. списке „роженнымъ отъ него“. Во второй же части Арх. верно повторяет „роженнымъ отъ него“, а Виленский добавляет глоссу „дѣтем“. Еще об одной переделке Виленского списка скажем ниже. Далее, что значит в понимании русского 1260-х годов „въ Литвѣ нашей“? Только то разве, что описывается язычество тех литовских племен, которые жили на политически-русской территории. Но такая фразеология необычна. „Нашею“ — обыкновенно называлась страна, родная писателю не по какой-то инородческой, иноверной части ее этнографического состава, а родная по крови и веру. Если же русский называл Литву своей, то это могло случиться не ранее половины XIV в., конечно, позднее времен основателя Вильны (1320-х годов), Гедимины, который, правда, породнился с русской Волинской династией, но еще не утвердился на Волини; только при великом князе Ольгерде определилось существование Литовско-русского государства с русским преимущественно населением и русской культурой.¹ Если принять последнее, то выражение „въ Литвѣ нашей“, т. е. в Литве у нас, следует отнести не к хронографу 1262 г., а именно к Виленскому списку, или к ближайшему его оригиналу, может быть также Виленскому, который не восходил ко времени ранее половины XIV в. Что же касается определения Архивского списка не юго-западным, а южно-русским, то В. М. Истрия ничем его не подтвердил. Полагаем, что хронограф был писан в 1262 г. не в Литве, а в Галицко-Волинской земле, где интересовались литовским язычеством, как это видно по сведениям 1250 гг. Галицкого летописи.

Совершенно неожиданным является в начале 1900-х годов отказ В. М. Истрина от прежних своих определений места и времени хронографа: „К идейной литературе XIII века, отвечавшей на очень определенные вопросы тогдашнего времени, относится известный Архивский хронограф, в свое время названный мною иудейским хронографом. Его характер определяется из анализа источников: все они таковы, что ясно указывают на определенную цель автора — дать изложение истории евреев от сотворения мира до уничтожения их политической жизни, кончая последним разрушением Иерусалима. Памятник этот возник не позже 1262 г., т. е. в середине XIII века. Что же касается места составления памятника, то на основании известной глоссы, которая в Вилен-

¹ „Литва времен Ольгерда была по преимуществу государством не литовским, а русским, так как мало-помалу около нее сгруппировались почти все юго-западные русские области, подобно тому, как в северо-восточной Руси мелкие удельные княжества объединялись под властью Москвы. Литва дала новому западно-русскому государству название и княжеский род, но она немедленно подверглась влиянию высшей культуры своих подданных, так что в Литовском государстве уже при Ольгерде русский язык был языком господствующим, о чем красноречиво свидетельствует литовско-польский договор 1353 года, написанный чистейшим русским языком, хотя в нем не упоминается ни один князь русского происхождения“. „Юрий II, последний князь всей Малой Руси“, И. Ржежабек, СПб., 1907, стр. 35.